

ЗЕМЦОВ Борис Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана. Автор 95 научных публикаций, в т. ч. трех монографий, 18 учебных пособий

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАРУШЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В СССР

Статья посвящена анализу объективных предпосылок нарушений социалистической законности в СССР. Автор полагает, что эти предпосылки следует разделить на дореволюционные и сформировавшиеся уже после революции 1917 года. К дореволюционным он относит прежде всего национальную правовую культуру, ключевой чертой которой являлся нигилизм. Это отношение к праву было характерно не только для обывателя и политизированной интеллигенции, но даже для ученых. К предпосылкам, сформировавшимся в результате революции, по мнению автора, следует отнести: во-первых, приход к власти уже в 1917 году по сути маргинальных слоев общества; во-вторых, нигилистическое отношение к праву нового партийно-государственного руководства; в-третьих, сохранение у власти после гражданской войны партии революционеров. Великие цели в их глазах были гораздо важнее методов достижения. Именно этим можно объяснить фальсификацию большинства политических процессов. Важное значение имело и то, что большевики создавали новое социалистическое общество не совсем по Марксу, но обосновать этого не могли. Поэтому решения трудных социально-политических и экономических задач партийно-государственное руководство в 1920–30-е годы добивалось не в ходе предварительных теоретических дискуссий, а путем очередного витка репрессий против гипотетически оппозиционных социальных групп. В 30-е годы произошел отказ от в целом демократических нормативно-правовых актов 20-х годов. Новые кодексы не принимались, поэтому автор статьи полагает, что правильнее использовать понятие «нарушение социалистической законности», а не «политические репрессии» (которое является политизированным и спорным с научной точки зрения).

Ключевые слова: социалистическое общество, политические репрессии, нарушение социалистической законности, сталинизм.

В первый раз проблема «нарушения социалистической законности» была поднята Н.С. Хрущёвым в 1954–1956 годах, во второй раз она возникла в период «перестройки».

В обоих случаях эта тема оказалась в максимальной степени политизирована, что привело к упрощению и искажению ее сути. В первый раз все было сведено к ошибкам И.В. Сталина,

во второй – репрессии трактовались чуть ли не как изначально присущая коммунистическому строю функция насилия.

В таком же ключе продолжается муссирование темы политических репрессий на Западе. Например, там широко используются понятия «политическое уголовное право», «политическое правосудие». Анализируя конкретные подзаконные нормативно-правовые акты, преступления правоохранительных органов, наши политические оппоненты распространяют негативные выводы на систему в целом. За скобками остаются предпосылки и причины политических репрессий, из исторического контекста вытесняются все остальные сложнейшие социально-политические и экономические процессы того периода. Можно предположить, что данный подход является наукообразным обоснованием современного отношения Запада к России.

В законе РФ № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» «политические репрессии» трактуются как различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам¹. Это определение может быть достаточным с точки зрения права. Однако право всегда является отражением политической ситуации конкретного времени. Как минимум, понятие «нарушение социалистической законности» более правильно с исторической точки зрения. А сегодня, т. е. через 23 года после публикации закона РФ № 1761-1, после накопления исторического опыта увлечения либерализмом, ясно, что и в политическом смысле понятие «политические репрессии» не может быть однозначным.

В современной отечественной историографии накопилось большое число исследований. Среди них такие фундаментальные работы, как «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов» в 7 томах [1], «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.» [2],

статьи В.Н. Земскова [3], В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова [4], М.Г. Степанова [5], М.Е. Ерина и А.М. Мойсиновича [6], ряд кандидатских диссертаций [7–11]. Но из поля зрения исследователей выпала проблема предпосылок нарушений социалистической законности, что существенно сказалось на общих выводах.

Объективные предпосылки нарушений социалистической законности в СССР в 30–50-е годы XX века следует разделить на дореволюционные и сформировавшиеся уже после революции 1917 года. К дореволюционным относится прежде всего национальная правовая культура. В рамках этой культуры основой будущих нарушений социалистической законности стало отношение общества к институту прав и свобод.

С современной политической точки зрения человеческая жизнь имеет высшую ценность. В ст. 2 Конституции РФ 1993 года записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»². Но оценка трагедии 30-х – начала 50-х годов с этих позиций является нарушением принципа историзма, предупреждающего от оценки одного общества с позиций другого.

В истории человечества человеческая жизнь имела ценность отнюдь не всегда. Как заметили А.И. Иойрыш и К.Е. Сигалов, права человека – это историко-политический феномен, который возник в определенном месте и в определенное время [12]. В качестве высшей ценности он трактуется в основном в либеральной теории. В России либерализм появился в XVIII–XIX веках не в результате развития собственных социально-экономических процессов, как на Западе, а в виде рецепции.

В начале XX века идеи о правах и свободах человека были реализованы в Указе от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимо-

---

¹О реабилитации жертв политических репрессий: федер. закон Рос. Федерации от 18 окт. 1991 г. № 1761-1 // Вед. Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

²Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 31. Ст. 4398.

сти», Манифесте от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», Указе от 24 ноября 1905 года «О временных правилах о повременных изданиях», «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года и других нормативно-правовых актах.

Все эти манифесты и указы в совокупности юридически закрепляли те западноевропейские политические идеалы и ценности, которые медленно входили в политическую и правовую культуру просвещенного дворянства и интеллигенции в течение двух предшествующих столетий. Однако эти манифесты и указы приветствовали лишь отдельные слои образованного общества, тогда как революционеры и либералы их отвергли, а основная масса населения — не заметила. Правовую культуру общества эти фундаментальные политические нормативно-правовые акты не изменили.

До революции право вообще не входило в число основных социальных регуляторов. Такие столпы русской культуры, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, всегда оставались правовыми нигилистами. С другой стороны, в соответствии с национальной культурой интересы общества они ставили выше интересов отдельного человека.

Широко распространенный правовой нигилизм был предопределен ментальностью многомиллионных обездоленных слоев общества, для которых все социально-политические проблемы в сравнении с их собственными бедами (в т. ч. несвязанность власти нормами права) казались несущественными.

На рубеже XIX–XX веков страна вступила в полосу маргинализации. Еще в конце XIX века в связи с бурным развитием экономики численность городского населения начала стремительно расти за счет многомиллионных крестьянских масс. Изменение быта вчерашних сельских жителей не сопровождалось таким же быстрым формированием новых духовных ценностей. В условиях нищеты традиционная мораль распадалась, ее место начали занимать революционные идеи. В 1905–1907 годах в борьбу

за социальную справедливость были втянуты десятки миллионов человек. В 1917 году это повторилось в гораздо более широких размерах.

Пафосом преобразования мира были охвачены не только революционеры. Весной 1917 года А.М. Горький писал: «Силой, которая всю жизнь крепко держала и держит меня на земле, была и есть моя вера в разум человека. До сего дня русская революция в моих глазах является цепью ярких и радостных явлений разумности. Особенно мощным явлением спокойной разумности был день 23-го марта, день похорон на Марсовом поле. В этом парадном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русский народ совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу миростроения новых и все более свободных форм жизни! Огромное счастье дожить до такого дня!» [13, с. 567].

Между тем уже в первые недели революции по стране прокатилась волна погромов и убийств. В Гельсингфорсе и Кронштадте ее жертвами стали адмиралы А.И. Непенин, Р.Н. Вирен и ряд других высших флотских офицеров. «В Твери толпа расправилась с губернатором Н.Г. фон Бюнтингом, в Пензе и Пскове были убиты начальники гарнизонов. В Петрограде в февральско-мартовские дни 1917 г. развернулась настоящая охота за городскими. Участники подобных расправ не только не чувствовали за собой вину, но ощущали себя героями революции» [14, с. 21].

Временное правительство развило большую работу по созданию правовых основ новой России. В течение весны-лета 1917 года «Особая комиссия» Временного правительства, в которую вошли наиболее авторитетные юристы страны Н.Н. Лазаревский, В.Н. Гессен, А.И. Ивановский, В.Ф. Дерюжинский, А.А. Боголепов, Э.Э. Понтович, А.Э. Нольде, Б.Э. Нольде и др., разработала проекты закона «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», «Основных законов по вопросу об автономии», «Тезисов по вопросу о верхней палате». Однако уже в июле-августе ни Временное правительство, ни кадеты с октябристами ситу-

ацию в стране не контролировали. Осенью 1917 года из обездоленных, во многом маргинальных, социальных слоев начал формироваться новый государственный аппарат.

В соответствии с марксистской теорией большевики сделали ставку в первую очередь на рабочих. Но еще в советской историографии было признано, что российский пролетариат «был не только малочисленное, но и менее культурен, менее развит и организован», чем западноевропейский [15, с. 9]. Симбирский большевик В. Рябиков вспоминал: «Все помыслы нашей группы <...> были обращены на рабочих, которых мы идеализировали в то время до последней крайности. Несмотря на то, что симбирский рабочий того времени в большинстве своем по психологии был полуобыватель, мы ему за одно его звание прощали все и считали его неприкосновенной для критики особой» [16, с. 14–15].

Возглавила эти социальные слои партия правых нигилистов. Место права у них занимали «теория революционной целесообразности» и «революционное сознание». При этом большевики активно использовали право как оружие диктатуры пролетариата. Нарком юстиции П.И. Стучка писал: «Когда перед нами, в коллегии Наркомюста <...> предстала необходимость формулировать свое, так сказать, “советское понимание права”, мы остановились на следующей формуле: “Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (т. е. этого класса)”» [17, с. 644].

Обычно историю большевистских политических репрессий начинают с создания в декабре 1917 года ВЧК. Однако репрессии по отношению к политическим противникам в первой половине 1918 года не были массовыми. «Если бы большевики с самого начала поставили террор в повестку дня, – отмечает В.П. Федюк, – число жертв было бы неизмеримо больше. Между тем создается впечатление, что поначалу новая власть даже пыталась остановить бесконтрольное насилие» [11]. Но в условиях гражданской

войны террор принял максимальные размеры как со стороны «красных», так и со стороны «белых».

Сведений, позволяющих составить социологическую картину большевистской партии периода гражданской войны, мало. Репрезентативный материал относится в основном к 20-м годам. В 1921 году в РКП(б) насчитывалось 732 тыс. чел. Большевики с дореволюционным стажем составляли менее 2 %. Подавляющее большинство вступило в партию в годы гражданской войны, 90 % из них имели начальное образование. Их мышление и поведение определялись не марксистской теорией, а упрощенным пониманием причин их личных бед и той социальной несправедливостью, о которой они помнили с дореволюционных времен. Огромную роль в их поведении сыграла война, где они обрели опыт убийства врага. Террор по отношению к политическим оппонентам стал не просто допустимым, а превратился в одну из идеологических основ РКП(б).

Между тем переход к миру требовал создания ясных правовых рамок. Кроме того, большевикам требовалось закрепить свои завоевания. Глава государства – председатель Президиума ВЦИК М.И. Калинин – в январе 1922 года на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции говорил: «В первые моменты революции решающим фактором права, разумеется, являлась прямая, непосредственная вооруженная борьба. Вооруженная сила определяла право. Следующая стадия – это чрезвычайные органы, которые выступают вслед за военной силой и начинают внедрять и укреплять те права, которые завоеваны. Только когда пройдены эти этапы, и ничто не угрожает власти, внимание может быть обращено к органам юстиции, которые не только “внедряют законность, но и вырабатывают новое право”» [18, с. 95]. В этих условиях началась систематизация права. Были приняты «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (1922), «Уголовный кодекс РСФСР» (1922), «Кодекс законов о труде РСФСР» (1923), «Гражданский кодекс РСФСР» (1923), «Лесной кодекс РСФСР» (1923), «Гражданско-

процессуальный кодекс РСФСР» (1923), «Земельный кодекс РСФСР» (1923), «Исправительно-трудоустройственный кодекс РСФСР» (1924).

Кодексы вводили многие сферы жизни общества в правовые рамки и для своего времени были достаточно прогрессивными. Однако сама идея права властью по-прежнему рассматривалась как буржуазная. В 1921–1922 годах среди большевиков-юристов развернулась дискуссия о «революционной законности». Прийти к пониманию необходимости права ее участникам не удалось. В законодательстве сохранялись пробелы, заполнявшиеся «революционной законностью». Так, ст. 9 УК РСФСР и ст. 4 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР определяли «социалистическое правосознание» руководящим началом для применения кодексов. Это было немного лучше, чем «революционное сознание», но принципиально ситуация не менялась.

В 20-е годы на политическую обстановку в стране существенное влияние оказало то, что партийно-государственное руководство ощутило слабость своих социально-политических позиций. Справедливо отметил Д. Ниткин: «Если победу в войне определять не по тому, кто выиграл последнее сражение, а по тому, в чьих интересах устраивается послевоенный мир, то нэп знаменовал собой политическое поражение большевиков» [19]. И основная задача большевиков до 1925 года заключалась в том, чтобы продержаться до победы мировой пролетарской революции.

В 1925 году стало ясно, что эти надежды не оправдались и надо менять внутреннюю политику. С другой стороны, закончился восстановительный период. Партийно-государственному руководству показалось, что политические позиции РКП(б) окрепли, поэтому 13 октября 1925 года Президиум ВЦИК принял Инструкцию «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов». Инструкция значительно сокращала перечень тех, кто подпадал под категорию «лишенец». Избирательные права возвращались крестьянам, кустарям и ремесленникам, применяющим наемный труд

«одного взрослого работника или двух учеников», торговцам «в разнос» по патенту первого разряда, вспомогательному персоналу церквей, для которого эта деятельность не была основной [20, с. 85].

Однако в результате демократизации избирательного процесса в местных Советах в 1926 году появилось большое число политических оппонентов большевиков. Поэтому к выборам 1926–1927 годов была подготовлена новая Инструкция ЦИК Союза СССР от 28 сентября 1926 года «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов». Число лишенных избирательных прав вновь возросло. Ощущение враждебного окружения вернулось.

Сохранение власти в руках революционной, нигилистически настроенной партии стало последней предпосылкой будущего массового террора. Н.И. Бухарин в 1933 году, через 16 лет после революции, писал: «Диктатура пролетариата вообще и диктатура пролетариата в частности, кроме единодержавия класса, включает особый момент несвязанный даже своими собственными законами» [21, с. 224]. Н.И. Бухарин прекрасно понимал, что законодательство 30-х годов совершенно не соответствовало кодексам 20-х, и его это не смущало.

На первый взгляд, отсутствие новых кодексов в 30-е годы выглядит странным, поскольку перед публикацией ключевых политических решений партийно-государственным руководством проводилась большая идеологическая работа, и общество в целом эти решения принимало. Отсутствие новых кодексов можно объяснить тем, что в общей части новых кодексов требовалось ясно сформулировать новые принципы, а обосновать отказ от свободы личности и собственности, презумпции невиновности, соразмерности наказания и преступления, личной ответственности теоретически было достаточно сложно. По этой же причине все судебные процессы 20–30-х годов оказались сфальсифицированными. В партийно-государственном руководстве в 30-е были уже новые люди, нежели в 20-е, но и те, и другие занимались фальсификациями политических

судилищ. Они прекрасно понимали, чем занимаются, однако великая цель – радикальное социально-политическое преобразование страны – в их глазах была бесконечно более значимой, чем неправовые методы ее достижения.

При этом массовое нарушение законности и попрание всех правовых норм и принципов 20-х годов отнюдь не воспринимались законодателем как норма. Например, в июне 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О революционной законности». В нем прокуратуре и судам предписывалось привлекать к ответственности должностных лиц, виновных в проведении незаконных арестов, обысков и наказаний. Да и сам И.В. Сталин официально утверждал, что «репрессии в области социального строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным» [22, с. 309].

В определенной степени одной из причин сохранения в настоящее время разных подходов к оценке политических репрессий является сохранение в качестве научной методологии советских идеологических основ. Речь прежде всего о восприятии большевистской партии как движущей силы революции и социалистического строительства. На самом деле большевики взяли власть в традиционном обществе, в результате

новая власть не столько возглавляла общество, сколько ломала его. Осознания, что К. Маркс и Ф. Энгельс создавали свою теорию на уникальном историческом опыте Западной Европы, тогда не было. (Не пришло оно и в последующие десятилетия).

Во второй половине 20-х годов начались попытки определить собственный путь дальнейшего исторического развития, однако спокойная дискуссия не получилась.

Маловероятно, что И.В. Сталин и его окружение в 30-е годы понимали изначальную опасность своих действий и тем более руководствовались какими-то личными мотивами. Вполне возможно, что они в своем кругу пытались разрешить противоречия между великими целями и методами их достижения. Но теоретические дискуссии должны были неминуемо завершиться признанием ошибочности ускоренной индустриализации и коллективизации, движением по пути, который лишь отдаленно мог быть признан марксистским. И.В. Сталин и его единомышленники создавали общество не по Марксу, но обосновать этого не могли, поэтому вместо дискуссий начался очередной виток репрессий против гипотетически оппозиционных социальных групп.

Список литературы

1. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х гг.: собр. док.: в 7 т. М., 2004–2007.
2. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. 927 с.
3. Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР: Сквозь дебри спекуляций, извращений и мистификаций // Мир и Политика. 2009. № 6. С. 89–105.
4. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002. 257 с.
5. Степанов М.Г. Уголовное преследование граждан СССР по политическим мотивам в предвоенный и военный периоды (1939–1945 гг.): обзор постсоветской сибирской историографии // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. 2010. № 2(10). С. 46–56.
6. Ерин М.Е., Мойсинович А.М. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 // Рос. история. 2011. № 3. С. 197–198.
7. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. 432 с.
8. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальственного состава РККА и Флота на Востоке страны в 1936–1939 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2005. 561 с.
9. Кузнецов И.Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 294 с.

10. Папков С.А. Репрессивная политика советского государства в Сибири (1928 – июнь 1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
11. Степанов М.Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009.
12. Иофьин А.И., Сигалов К.Е. Миф о правах человека // История государства и права. 2012. № 11. С. 35–38.
13. Горький М. Повести. Рассказы. Сказки. Публицистика. М., 2004. 567 с.
14. Федюк В.П. В преддверии «Красного террора» // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманит. науки. 2012. № 3(21). С. 20–23.
15. Российский пролетариат: облик, гегемония, борьба. М., 1970. 362 с.
16. 1905 год в Симбирске / под ред. Б. Чистова, В. Алексеева. Ульяновск, 1925. 128 с.
17. История политических и правовых учений. М., 2007. 64 с.
18. Четвертый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. М., 1922.
19. Ниткин Д. Заметки по книге С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация». URL: <http://antisgkm.narod.ru/hist.htm> (дата обращения: 10.11.2015).
20. Ергина Н.М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2011. № 4-1. С. 84–89.
21. Бухарин Н.И. Избранные труды. Л., 1988. 504 с.
22. Сталин И.В. Сочинения: в 18 т. М., 1949. Т. 12.

References

1. *Istoriya stalinskogo Gulaga: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh gg.: sobr. dok.: v 7 t.* [The History of Stalin's Gulag: End of the 1920s – First Half of the 1950s: Collected Documents: In 7 Vols.]. Moscow, 2004–2007.
2. *Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet Province: 1937–1938. Mass Operation Based on the Order No. 00447]. Comp. by M. Yunge, B. Bonvech, R. Binner. Moscow, 2009. 927 p.
3. Zemskov V.N. Massstab politicheskikh repressiy v SSSR: Skvoz' debri spekulyatsiy, izvrashcheniy i mistifikatsiy [The Scale of Political Repression in the Soviet Union: Getting Through the Labyrinth of Speculations, Distortions and Hoaxes]. *Mir i Politika*, 2009, no. 6, pp. 89–105.
4. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political Justice in the Soviet Union]. St. Petersburg, 2002. 257 p.
5. Stepanov M.G. Ugolovnoe presledovanie grazhdan SSSR po politicheskim motivam v predvoenny i voennyj periody (1939–1945 gg.): obzor postsovetskoy sibirskoy istoriografii [Criminal Prosecution of Citizens of the USSR on Political Grounds During the Premilitary and Military Periods (1939–1945): The Review of the Post-Soviet Siberian Historiography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2010, no. 2(10), pp. 46–56.
6. Erin M.E., Moysinovich A.M. Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447 [Stalinism in the Soviet Province, 1937–1938. Operation Based on the Order № 00447]. *Rossiyskaya istoriya*, 2011, no. 3, pp. 197–198.
7. Romanovskaya V.B. *Repressivnye organy i obshchestvennoe pravosoznanie v Rossii XX veka*: dis. ... d-ra jurid. nauk [Repressive Bodies and Public Sense of Justice in Twentieth-Century Russia: Dr. Jurid. Sci. Diss.]. St. Petersburg, 1997. 432 p.
8. Mil'bach V.S. *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvennogo sostava RKKA i Flota na Vostoke strany v 1936–1939 gg.*: dis. ... d-ra ist. nauk [Political Repression Against the Commanding Officers of the Red Army and Navy in the East of the Country During 1936–1939: Dr. Hist. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2005. 561 p.
9. Kuznetsov I.N. *Massovye repressii na territorii Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody i rehabilitatsiya zhertv terrora*: dis. ... kand. ist. nauk [Mass Repression in Western Siberia in the 1930s and Rehabilitation of the Victims of Terror: Cand. Hist. Sci. Diss.]. Tomsk, 1992. 294 p.
10. Papkov S.A. *Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v Sibiri (1928 – iyun' 1941 gg.)*: dis. ... kand. ist. nauk [Repressive Policies of the Soviet State in Siberia (1928 – June 1941): Cand. Hist. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2000.
11. Stepanov M.G. *Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v 1928–1953 gg.: problemy rossiyskoj istoriografii*: dis. ... kand. ist. nauk [Repressive Policies of the Soviet State in 1928–1953: Issues of Russian Historiography: Cand. Hist. Sci. Diss.]. Ulan-Ude, 2009.

12. Ioyrysh A.I., Sigalov K.E. Mif o pravakh cheloveka [The Myth of Human Rights]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 11, pp. 35–38.
13. Gor'kiy M. *Povesti. Rassказы. Skazki. Publitsistika* [Novellas. Stories. Fairy Tales. Social and Political Essays]. Moscow, 2004. 567 p.
14. Fedyuk V.P. V preddverii “Krasnogo terrora” [On the Eve of the “Red Terror”]. *Vestnik Yaroslávskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 3(21), pp. 20–23.
15. *Rossiyskiy proletariat: oblik, gegemoniya, bor'ba* [The Russian Proletariat: Its Face, Hegemony, and Struggle]. Moscow, 1970. 362 p.
16. *1905 god v Simbirske* [Year 1905 in Simbirsk]. Ed. by B. Chistov, V. Alekseev. Ulyanovsk, 1925. 128 p.
17. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, 2007. 64 p.
18. *Chetvertyy Vserossiyskiy s'ezd deyateley sovetskoy yustitsii* [The Fourth Russia-Wide Congress of Leaders of Soviet Justice]. Moscow, 1922.
19. Nitkin D. *Zametki po knige S.G. Kara-Murzy “Sovetskaya tsivilizatsiya”* [Comments on S.G. Kara-Murza's *Soviet Civilization*]. Available at: <http://antigkm.narod.ru/hist.htm> (accessed 10 November 2015).
20. Ergina N.M. Lishenie izbiratel'nykh prav v kampaniyu vyborov v Sovety 1928–1929 gg. v natsional'nykh regionakh Povolzh'ya (na primere sel'skikh mestnostey Mordovii i Tatarstana) [Deprivation of Electoral Rights During the Election Campaign to the Soviets of 1928–1929 in Povolzhye National Regions (on the Example of Rural Areas in Mordovia and Tatarstan)]. *Izvestiya altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 4-1, pp. 84–89.
21. Bukharin N.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Leningrad, 1988. 504 p.
22. Stalin I.V. *Sochineniya: v 18 t.* [Works: In 18 Vols.] Moscow, 1949. Vol. 12.

doi 10.17238/issn2227-6564.2015.6.5

Zemtsov Boris Nikolaevich

Bauman Moscow State Technical University

str. 1, 5, 2-ya Baumanskaya St., Moscow, 105005, Russian Federation; e-mail: zemtsovbn@mail.ru

OBJECTIVE PREREQUISITES FOR THE VIOLATION OF SOCIALIST LEGALITY IN THE SOVIET UNION

This article analyses the objective prerequisites for the violation of socialist legality in the Soviet Union. According to the author, these prerequisites can be divided into pre-revolutionary and post-revolutionary (after 1917). Among pre-revolutionary conditions he names, first and foremost, the national legal culture, nihilism being its key feature. Such an attitude towards the law was typical not only of the average man and politicized intellectuals, but also of academics. The post-revolutionary prerequisites include: firstly, the coming of essentially marginalized social classes to power already in 1917; secondly, the nihilistic attitude of the new party-and-state leadership to the law; thirdly, the revolutionary party's staying in power after the Civil War. In their view, the end justified the means, hence all the fabricated political cases. Of great importance was the fact that the Bolsheviks were trying to build a new socialist society not quite according to Marx, but could not substantiate this. Thus, the serious sociopolitical and economic problems of the party-and-state leadership in the 1920s and 1930s were not solved during preliminary theoretical discussions, but through another round of repression against hypothetically oppositional social groups. In the 1930s, the legal acts of the 1920s, democratic on the whole, were revoked. No new codes were established, so the author believes it would be more accurate to speak of the *violation of socialist legality* than of *political repression* (a politically loaded and controversial term from the scientific point of view).

Keywords: socialist society, political repressions, violation of socialist legality, Stalinism.

Контактная информация:

адрес: 105005, Москва, 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1;

e-mail: zemtsovbn@mail.ru